

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Андрей Бунев - о коррупции, детских суицидах и работе следственных органов в Иркутской области

К работе силовых структур в Приангарье всегда было повышенное внимание. Но этот привычный интерес и близко не сравнить с тем, что происходит сейчас, когда правоохранительные органы оказываются в центре политических скандалов и серьезно влияют на многие процессы, происходящие в регионе.

Впрочем, повышенная политизированность иркутян далеко не всегда на пользу, считает **руководитель Следственного управления Следственного комитета РФ по Иркутской области Андрей Бунёв**. Самые болезненные проблемы – например, по детским суицидам, по которым Приангарье вышло на первое место в России, такими методами не решаются. Об этом, а также о том, как идут расследования по наиболее резонансным делам, Телеинформу рассказал руководитель СУ СК РФ Андрей Бунёв.

- **Криминальная ситуация в Иркутской области** парадоксальная – нигде такого нет, - констатирует Андрей Бунёв. - Первое – количество убийств: населения в регионе 2 миллиона 400 тысяч, в Москве – около 20 миллионов. В позапрошлом году мы расследовали в Иркутской области на 38% больше дел об убийствах, чем в столице нашей родины. В прошлом году – на 30% больше. Или, например, сексуальные преступления в отношении малолетних: управление СКР по Москве в среднем в день возбуждает одно дело по этому составу, у нас

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

бывает, что в сутки и семь, и восемь. Существенный рост по этому виду преступления мы наблюдали в 2015 году. Но нужно понимать, что это связано не с тем, что преступлений стало больше – просто люди стали по этим составам заявлять больше.

Помню, когда только приехал в Иркутскую область, поразился одной истории. В территории где-то была изнасилована шестилетняя девочка – у ребенка разрыв прямой кишки, промежности, ее зашивают, она месяц лежит в больнице, потом выписывается. И все. Тишина. Ни от родителей, ни от учителей заявлений в правоохранительные органы не поступает. Узнаем случайно. Почему такое происходит? Как это возможно? Видимо, потому что не считается чем-то экстраординарным? Мы живем в Иркутске и не видим, что по области происходит. А там есть территории, в которых по таким поводам даже не заявляют. С некоторых пор, правда, ситуация изменилась. И теперь мы этих насильников отправляем в места не столь отдаленные пачками. В год таких преступников выявляем более 300-400. Естественно, из них никто не остается на свободе. Тем не менее, количество таких преступлений остается огромным. Такой ситуации с половыми преступлениями в отношении несовершеннолетних и малолетних нет вообще нигде в России, даже близко!

В разных регионах по таким преступлениям свои особенности. Я по Сибири приведу примеры. Красноярский край, например, – регион, где такие преступления бывает совершают настоящие серийные маньяки – по несколько десятков эпизодов. Обычные люди на такие преступления не идут. В Кемерово другой характер: напился - перешел через дорогу - изнасиловал. Не так много, но случаи есть. В Иркутской области же в состоянии алкогольного опьянения совершается всего треть таких преступлений. Две трети - на трезвую голову. Может быть, исторически сложилось так, что это не было здесь порицаемо и люди привыкли?

Посмотрите [дело по бассейну «Спартак» в Иркутске](#): мы арестовываем директора (сейчас передали дело в округ, потому что объем громадный - не можем столько следователей на это дело отвлекать) и находим, совершенно случайно, более 800 информационных носителей. Сколько там потерпевших – можно только догадываться. Неужели никто из родителей не замечал никаких странностей? Такого быть не может. А ведь сотни детей прошли через этот бассейн. Конечно, директор выбирал тех, с кем это можно делать безнаказанно: чтобы ребенок был из неполной семьи, желательна нуждающаяся... Но никто из родителей не заявил. Мы сами нашли все эти диски с записями, и только после этого стали отрабатывать открывшиеся факты.

Вторая странность: количество убийств. В Иркутской области мы в суды направляем расследованных дел по убийствам больше, чем в 20-миллионной Москве. Есть территории в Иркутской области, где количество убийств на сто тысяч населения в сорок раз превышает количество убийств на 100 тысяч по Москве.

Третья позиция, которая бросается в глаза – это абсолютный беспредел среди некоторых

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

чиновников в Иркутской области. То, что позволяли себе местные власти с землей по Байкальскому тракту, другие преступления коррупционного характера – близко такого нет в других регионах. Конечно, коррупция есть везде, но в других субъектах федерации чиновники как-то прячут свои делишки, шифруются. В Иркутской области во многих случаях стоит только слегка копнуть - все видно сразу. В Российской Федерации нет региона, где бы мэры почти всех крупных городов оказывались на скамье подсудимых. А у нас? Братск, Ангарск, Усть-Илимск, Иркутский район...

Губернатор сказал – по коррупции похвалиться нечем. Нам действительно нечем похвалиться. Возьмем лесную сферу. Мы за один год привлекли к уголовной ответственности большую часть заместителей руководителя областного агентства лесного хозяйства и руководителей территориальных подразделений этого ведомства. Что-то изменилось? Ничего! Видимо, сказывается ситуация слабой власти в регионе - когда губернаторы меняются каждые два-три года. Только успевает прийти, вникнуть в суть дела, понять ситуацию – как его убирают. Бизнесу, конечно, выгодно в такой мутной воде работать – никаких правил, никаких принципов... Чиновникам тоже выгодно. Парадоксальная, в общем, ситуация.

- Но правоохранные органы для того и созданы, чтобы эти проблемы решать. В частности, ваше управление что делает, чтобы исправить ситуацию?

- Я пришел сюда два с половиной года назад. Полтора года ушло на то, чтобы создать фундамент и укрепить управление. Были проблемы: по нашей системе иркутское управление было одним из последних в России. На сегодня многое изменилось. Конечно, это было бы невозможно без совместной работы полиции, прокуратуры, СК и других силовых ведомств. Вот тут есть чем похвалиться. Смотрите: три года назад по уровню преступности Иркутская область занимала четвертое место в России. За три года мы ушли на 19-е место. Достаточно много. И это не статистическая погрешность. Приведу цифры по основным группам преступлений (еще раз замечу - это наша совместная с полицией работа): 2015 год – сокращение числа убийств на 13% (впервые в истории – всегда был рост). Причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть - сокращение на 16%. Изнасилования – сокращение на 29%. Грабежей стало меньше более чем на 30%. Разбоев – на четверть. Квартирных краж – на 30%, хищений машин – на 30%, преступлений в общественных местах – на 13%.

Еще цифры: за год расследовали более 4,5 тыс. уголовных дел. Более 13 тыс. материалов доследственных проверок. Рассмотрели около 5 тысяч обращений. То есть поводов для работы было порядка 25 тысяч. Брака за два года работы следователей и аппарата управления стало в среднем в 4,5 раза меньше.

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Для меня очень важный показатель: за 2015 год следователи совместно с уголовным розыском, с ФСБ, не смогли установить преступников по 70 делам из 4,5 тыс. уголовных дел. Еще два года назад их было много сотен. И еще один момент, на котором мы буквально зациклены. У нас в архивах лежит где-то 5,5 тысяч дел: когда-то кого-то убили, изнасиловали, не смогли найти преступника, дело положили на полку, оно там и лежит. Мы провели ревизию всех уголовных дел. И уже третий год ежегодно из таких дел раскрываем по 220-250. То есть, мы за это время раскрыли почти 1 тыс. убийств и иных особо тяжких преступлений.

Если брать нашу часть работы, по убийствам, - первое: мы серьезно подняли раскрываемость. Если 4-5 лет назад она составляла 82%, сегодня – 93%. Тут надо понимать специфику: процентов 60 убийств раскрывается сразу, процентов 20 - в результате квалифицированной работы в течение трех-четырех дней. И еще процентов 20 раскрывается при очень длительной квалифицированной работе, причем, большую роль играет взаимодействие между ведомствами. Оно должно быть не просто отработанным, но высокотехнологичным.

Кстати, надо учитывать еще и такой момент. Сейчас, по сравнению с ситуацией пятилетней давности, условия более жесткие по расследованию. Тогда бывало, что если мы не доказали, что совершено убийство – оно по этой статье и не квалифицировалось. Сейчас же, пока мы не доказали, что это не убийство – возбуждается дело по убийству. Приведу пример. Пошла мама с ребенком гулять на берег реки. Ребенок гибнет. Мама объясняет, что отвернулась и в это время его смыло. То ли несчастный случай, то ли убийство. Раньше, пока бы мы не нашли тело ребенка и не удостоверились, что смерть криминальная – дело об убийстве не возбуждали. Сейчас наоборот – возбуждаем по подозрению в убийстве и пока тело не найдем и не убедимся, что это была не криминальная смерть, дело не прекращаем. Кстати, достаточно часто бывает, что подозрения на убийство оправдываются. Раньше мы бы прошли мимо каких-то ситуаций, не считали бы их криминальными.

Второе. У нас не зарегистрировано нераскрытых серийных преступлений. В России таких регионов очень мало. Почему? Допустим, выявить серийного сексуального маньяка непросто: о своей «тайной стороне» он, как правило, никому не рассказывает. Он в жизни один, при совершении преступления – другой. Должно набраться достаточное количество ошибок, которые он совершит (а их на каждом преступлении может и не быть). Надо эти ошибки заметить, оценить, выстроить в систему - тогда его можно найти. Мы же отработали другую технологию. И ловим этих маньяков уже после первого-второго эпизода.

Вот, известный случай – когда мы взяли маньяка-«гастролера» с Дальнего Востока. Он по дороге совершал убийства. Поймали мы его в Красноярском крае, а вычислили здесь. У нас есть свои секреты работы. Мы это научились делать.

Понятно, что всегда будут какие-то преступления, которые не удалось раскрыть. И в прошлом году есть несколько тяжелых для нас, нераскрытых убийств. Но мы по ним не прекращаем

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

работу. И надеемся, что все-таки раскроем. Но общий уровень раскрываемости совсем не тот, что три года назад.

- Как удалось добиться таких впечатляющих результатов?

- У нас сейчас достаточно много инструментов для работы - наука с техникой шагнули на невиданную высоту. Крепко поставлена экспертная работа. В прошлом году я попросил у Председателя Следственного комитета России внести изменения в наше штатное расписание, был поддержан, и у нас был создан экспертный отдел, равного которому (по направлениям, которые он обрабатывает) нет почти нигде. Мы очень плотно работаем с Бауманским университетом, применяем лучшие на сегодня технологии – не хуже чем в Швейцарии, Америке, Франции, Германии, Израиле. Самые передовые и техника и программное обеспечение. Раскрываемость у нас резко поднялась, именно потому, что появились дополнительные технические возможности.

- Можно подробнее?

- Например, работа с большими объемами данных – наш конек. Я не могу подробности раскрывать. В городе много людей, машин, телефонов, планшетов, сам город – это большая система. И все это передвигается. Мы умеем анализировать это.

- На днях в Иркутске совершено громкое преступление – бизнесмен убит выстрелом в голову. И буквально за час вы находите того, кто это сделал. Расскажите, как шло расследование.

- Вопрос технологий. Когда мы начинаем работать по таким делам, во многом становимся с полицией единым механизмом. Наша задача – следствие, у полицейских – другая. Но мы в этом рабочем процессе, как на конвейере, очень профессионально и четко выполняем каждый свою роль. В чем здесь плюс? В том, что каждый сотрудник на своем месте практически не допускает ошибок. Есть алгоритм, как это надо сделать. Вот будет одна ошибка, и все – дальнейшая работа встанет. Это единый технологический процесс, который мы отладили, благодаря чему в 90% случаев добиваемся результата, а в 10% - настраиваемся на длительную работу, но интенсивность этой работы не снижаем.

Еще два года назад что-то мы могли сделать только через неделю, через две, через три после убийства. А сегодня мы эту техническую возможность имеем прямо на месте.

Пример приведу. Эффективно была проведена работа по раскрытию взрыва в Ангарске на остановке. Мы по этому делу сработали за месяц. В прежних условия у нас бы на то же самое ушли наверно года два.

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

- Коррупционными преступлениями тоже ваше ведомство занимается. Но, как мы уже слышали и от вас, и от губернатора – тут похвастаться нечем. Или все же есть чем?

- Тут работы много. Реальные наказания у нас получают в среднем по 250 чиновников в год. С коррупцией на бытовом уровне боремся так же, как с многомиллионными преступлениями. Нас часто в СМИ критикуют, что когда мы привлекаем педагогов или врачей, это как бы имитация борьбы. Ничего подобного. Работать нужно по всем направлениям. Это ведь не дело, когда, чтобы устроить ребенка в садик, приходится давать взятку заведующей, или в поликлинике «давать в лапу» главврачу, чтобы получить медицинскую услугу.

И точно так же нужно заниматься расследованием преступлений во власти. Понятно, что каждый пойманный чиновник старается убедить всех, что он страдает из-за «политики», что его несправедливо обвиняют. Но если суд выносит решение, значит состав преступления есть. Если состав есть – зачем ты взятки брал, зачем воровал? Не воруй – и никакой «политики» не будет. Все уголовные дела, которые у нас есть по чиновникам, пойдут в суд — и я уверен, что по всем будет приговор, который устоит во всех апелляционных инстанциях.

Почему много дел по коррупции? Очень плотно общаемся с людьми. Я провожу в управлении полмесяца, а еще на полмесяца выезжаю в муниципалитеты. Каждую территорию я объезжаю два раза в год. Также выездную работу ведут и четыре моих заместителя. Моя программа в территориях такая: выехал в район – проехал по всем поселкам, заехал в каждый населенный пункт, где больше двух тысяч населения, встретился с жителями, провел личный прием. Встречаюсь и с трудовыми коллективами, где есть проблемы – например, невыплата зарплаты, либо еще что-то. На прием ко мне за поездку человек по сто приходит. Плюс человек по четыреста на этих самых встречах. Получается, ежемесячно человек пятьсот со мной могут побеседовать, и если есть какие-то факты по нарушениям в работе местной власти – передать мне материалы. Потом мы все это проверяем, отрабатываем. У нас система, при которой абсолютно любой гражданин может попасть на прием к руководителю управления. И это оправдано – потому что при такой системе много интересного узнаешь. Ну и любой человек может позвонить на телефон доверия – 20-46-54, либо записаться ко мне на прием по телефону 26-18-41.

- Раньше в отношении правоохранительных органов звучала критика, что они не мотивированы на улучшение правопорядка, а мотивированы на высокую раскрываемость преступлений. То есть чем больше раскрыто преступлений – тем больше премия.

- У нас нет плана. Показатели совершенно объективно отражают нашу работу. Но есть несколько приоритетов: первое – преступление должно быть раскрыто; второе – раскрыто максимально быстро, чтобы разрыв между преступлением и наказанием был небольшой. У нас есть такой показатель, как раскрытие дел за срок более двух месяцев. Два года назад более 80% дел расследовались дольше двух месяцев, сейчас – около 40%. Мы в десятки раз снизили

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

количество дел, которые расследуются больше года. И третий наш приоритет – мы должны объяснить людям, почему принимаем те или иные решения, чтобы не было сомнений в справедливости.

- Возвращаясь к теме детей – вы сказали, что в Иркутской области тяжелая ситуация и по суицидам, и по количеству преступлений в отношении несовершеннолетних...

- Да, это громадная проблема. Вы знаете, сколько я в СМИ ни пытаюсь поднять разговор на эту тему, сколько ни прошу журналистов ею заняться – никакого внимания. Такое впечатление, что всех интересуют только какие-то политические разборки. Между тем, мы имеем следующее: по абсолютному количеству **детских суицидов у Иркутской области** второе место по России. Ежегодно гибнет более 30 детей. В процентном же отношении (на сто тысяч детей) у Иркутской области – первое место по детским суицидам. В цифры вслушайтесь: в результате преступных действий в прошлом году погибли более 70 детей. По детям до пяти лет, по малышам - убиты девять. По неосторожности взрослых погибли еще 17. С другой стороны, малолетняя преступность - дети в возрасте до 14 лет совершили 21 тяжкое и особо тяжкое преступление (как правило, убийства). Детей убивают, и дети сами убивают.

С прошлого года мы начали очень плотно работать с полицией и с уполномоченным по правам ребенка. Работали и с властью. Спасибо прежнему губернатору – потому что когда мы посчитали, сколько по области социальных педагогов (250 человек) и поняли, что этого недостаточно – власти ввели еще столько же единиц. Сейчас не знаю, работают они или нет. Но тогда вопрос был решен. И вот мы с уполномоченным по правам ребенка, с полицией воспользовались самыми элементарными инструментами. Первое – это детские дома и интернаты. Только каждое шестое преступление во время уходов совершают домашние дети. Остальные – воспитанники детдомов и интернатов, сбежавшие из своих учреждений. Чем можно удержать пацанов? Либо спортом, либо ремеслом. Я заезжаю абсолютно во все детские учреждения (детдома и интернаты), когда бываю на территории. Ни в одном из них я не видел год назад элементарного турника, брусьев или других спортивных снарядов. Спрашиваю: где у вас это? Отвечают: да в школе. А школа где? А на другом конце поселка. Но мы же понимаем, что через весь поселок ходить туда никто не будет, да и в школу так просто пацанов не пустят. Что мешает установить это рядом? Это же копейки! Под нашим, можно сказать, давлением начали устанавливать какую-то спортивную инфраструктуру.

Второй момент. Дети из интернатов и детдомов, как бы им плохо ни было в родном доме, все равно стремятся туда вернуться. Мы провели подсчет по каждому детскому учреждению - сколько побегов. По некоторым ноль, по некоторым – минимальные цифры. Но были учреждения, где 240 побегов на сто детей приходится. Первая мысль была: бегут из-за тяжелого режима. Оказалось – ничего подобного: досуг не был организован – не было возможности заниматься спортом, отсутствовали мастерские, где мальчишки могли бы изучать ремесло. Начали проводить планомерную работу – за год на 70% сократилось число побегов.

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

И это не статпогрешность. Отработали год, в результате количество преступлений, совершенных воспитанниками детских учреждений, снизилось на треть. Полиция работала в этом направлении целенаправленно по всем детям. За один год в состоянии алкогольного опьянения совершили преступления в два раза меньше детей. При этом количество преступлений, совершенных детьми, за год снизилось на 10%. Вот что мешает выработать стандарты, что должно быть в таких учреждениях? Что мешает сделать программу и за год обеспечить в детдомах доступную спортивную инфраструктуру – не такие это большие деньги.

Понимаете, здесь мы работаем, полиция работает, а общество – не работает, тема не звучит, не освещается.

- А что же органы опеки – что они говорят? Цифры-то действительно вопиющие.

- Знаете, вроде бы все нормально. Минобр, соцзащита и т.д. - все они делают свою работу. У нас масса детских учреждений, все они функционируют, обеспечивается процесс. Но есть нюансы, которые влияют на ситуацию, и влияют коренным образом. Я вот проезжаю по детским домам – в некоторых все есть, а в некоторых одна зубная щетка на десять человек, есть учреждения, где детям не выдают туалетную бумагу. Совсем. Вопрос возникает: а как тогда все это проверяется? Должна же быть система контроля. Конечно, многое зависит от руководителя учреждения. Взять, например, Зиминский реабилитационный центр для детей-инвалидов. Это же жемчужина – даже не по российским, а по мировым стандартам. Все великолепно сделано, условия прекрасные, как в Европе. Но кто об этом знает, кто про это слышал? СМИ такие темы неинтересны. Зато какая в регионе псевдополитизированность. А на реальные проблемы просто никто не обращает внимания. Уникальный регион. По моим данным, против половой неприкосновенности детей за первое полугодие 2015 года более 200 преступлений совершено, а имущественных – около 120. Нигде в России нет такого, чтобы половые преступления в отношении детей превышали имущественные.

- Не могу не задать вопрос о налоговых преступлениях, которые вы тоже расследуете.

- Раньше налоговыми преступлениями занимались районные следователи, расследовались эти дела плохо. Мы изменили систему работы. Теперь в нашем ведомстве этим занимается аппарат. И уже есть результат. Если три года назад у нас по налоговым делам выходила сумма порядка 10 миллионов рублей, то в этом году только по возбужденным делам и материалам проверок уплачено государству 220 миллионов. Плюс несколько сотен миллионов возмещено предпринимателями на этапе проверки, не ожидая возбуждения уголовного дела. То есть, динамика с 10 млн. до многих сотен миллионов.

Конечно, налоги в регионе платить не привыкли, что говорит о слабости региональной власти.

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Потому что, так или иначе, власть должна влиять на этот процесс. Налоговая инспекция – это одно, она работает по документам. А кто что делает и сколько при этом платит – это видит власть: главы муниципалитетов, область.

- К вопросу о власти: [недавно возбуждено второе уголовное дело в отношении руководства ЗАО «Стальконструкция»](#). Речь идет о сыне губернатора Сергея Левченко. Нет ли здесь предвзятости, достаточны ли основания?

- Давайте я поясню, как у нас организована работа по налоговым делам. Бывая на территориях и встречаясь с людьми, мы получаем какую-то информацию, вопросы. Если есть подозрение на нарушение закона – мы регистрируем такое обращение и проводим проверку. Допустим, мы что-то обнаружили: сами материалы не ищем – направляем дело либо в полицию, либо в налоговую. Налоговая формирует материал и направляет в полицию - полиция присылает нам. Мы не можем возбудить дело, пока нам налоговая не ответит – видит ли она какие-то нарушения. Когда все это проведено и мы видим признаки налогового преступления, прорабатываем вопрос с прокурором. И только если прокурор видит основания, мы возбуждаем уголовное дело. Здесь нет и не может быть такого, что мне захотелось – я возбудил. И даже если я в нарушение порядка это сделал - прокурор тут же отменит. Без вариантов.

По ЗАО «Стальконструкция» дело еще расследуется. Там вообще два дела возбуждено – первое было в отношении неопределенного круга лиц, поскольку там сразу не было установлено, кто из руководителей причастен. Второе дело возбуждено уже в отношении конкретного лица. Когда закончим, обязательно все расскажем.

Вообще же у нас в настоящее время десятки дел расследуются по этому виду преступления. Нужно еще понимать, что есть факты и материалы, которые не доходят до возбуждения уголовного дела – когда руководитель приходит и говорит: виноваты, готовы погасить свой долг. И таких случаев намного больше. Люди в большинстве не хотят огласки и предпочитают погасить недоплату до суда, берегут репутацию.

- [Незаконные вырубки леса в Иркутской области – проблема давняя и, кажется, нерешаемая. Или это не так?](#)

- В прошлом году у нас было два основных направления – дети и налоги. А еще мы начали отрабатывать методики работы по лесным делам, некоторые вполне успешно. Я надеюсь, что в этом году для правоохранительных органов лесная тема станет одной из главных.

Справиться с ней, я уверен, возможно. Те, кто работал по лесу в советское время, рассказывают, что лесная отрасль давала прибыли в областной бюджет от 30 до 50%. В 2015 году от лесной отрасли было 3,4% в общем объеме налоговых доходов областного бюджета.

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Если сравнить сбор и выплаты, то в позапрошлом году в Иркутской области возмещено НДС на 2,4 млрд рублей больше, чем собрано всех налогов от лесной отрасли. То есть государство дает воровать лес и при этом еще и доплачивает. Такого ни на Дальнем Востоке, ни в Бурятии, ни на Урале, ни в Красноярском, ни в Пермском крае нет.

Я выходец из Красноярска и знаю, что примерно такая же ситуация, как в Приангарье, там была около 15 лет назад. Причем, проблема была решена за два года.

Чем мы занимаемся в этом плане? В основном, работаем вместе с полицией по незаконным рубкам, довольно активно. Если три года назад за незаконные рубки было арестовано 7 человек, а всем остальным просто погрозили пальчиком, то в 2015 году арестовано более 200 человек. Капля в море, но тем не менее. И суды уже привыкли, что за эти преступления надо арестовывать, и практика такая пошла.

Но что рубки - это битье по хвостам. Рубками занимаются мужики, которые живут в лесу, за счет леса кормят свои семьи. Сверхдоходы от этого воровского промысла получают не те, кто живет в Иркутской области. Даже бригадиры – ну, дом он построит, джип купит... не сверхдоход. Сверхдоход – он за границей. Покупаются фрукты-овощи, приходят сюда через границу, здесь реализуются, на вырученные деньги закупается ворованный лес и отправляется через границу. Битье по хвостам никогда ничего не даст, как и смена руководителей территориальных и областных органов, занимающихся лесом. Поможет только комплексная работа.

Как решили эту проблему в соседних регионах? В Красноярском крае было 3200 железнодорожных тупиков, на которые вывозился ворованный лес. На сегодня там их 24, их можно нормально контролировать. В Иркутской области что-то около 2 700 тупиков. Я знаю, что при губернаторе Тишанине пытались эту проблему решить, но там был в антимонопольной службе поставлен вопрос – что создаются неравные конкурентные условия. Здесь, видимо, вопрос для правоохранительных органов и контролирующих организаций. Ведь эти тупики по большей части не отвечают нормативным требованиям. Вопрос: почему они тогда функционируют? Почему чиновники не делают свою работу? Это вопрос и к нам, и к транспортным подразделениям. Я думаю, мы в этом году займемся этим направлением - посмотрим на работу должностных и контролирующих лиц.

Второй момент – пилорамы. Они почти везде стоят на земле, которая выделена под огородничество, под дачное строительство. Для пилорам территории практически не выделяются. И здесь тоже вопрос к чиновникам: как же так? Вы живете в этом поселке – не видите, что тут происходит? Третий вопрос – пункты приема леса. У крупных предприятий понятно, что логистика налажена. А у остальных – ясно, что лес ворованный. Тут тоже есть вопросы. Мы очень принципиально по всей области посмотрим, что там происходит с пунктами приема леса. А дальше идут уже экономические вопросы, которые нужно будет

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

решать власти.

Но мы постараемся, чтобы этот год был годом активной работы по лесу. Приложим все силы, чтобы ситуацию изменить кардинально. Да, проблема сложная. Но если ее везде решили, то почему это невозможно сделать у нас?

- Вопрос по поводу обращения жён двух обвиняемых по делу о казино на Аларской. Женщины утверждают, что в отношении их мужей сотрудники СУ СК применяли пытки. Уже и уполномоченный по правам человека в Иркутской области Валерий Лукин отреагировал на это – жалоба передана Бастрькину. Что происходит в вашем ведомстве?

- Валерий Алексеевич делает свою работу. Мы с ним очень тесно сотрудничаем, как и с уполномоченным по правам детей. Часто видимся, проговариваем все моменты. Сейчас по этой ситуации проводится проверка центральным аппаратом СКР. И для нас – что для Валерия Алексеевича, что для меня - очень важно, чтобы по ним были поставлены все точки.

До окончания проверок я не могу ничего комментировать. Единственное скажу: в обращении говорится о пытках с целью получения показаний. Но достаточно подумать – зачем выбивать показания, когда есть видео из казино, на котором достаточно хорошо все видно - и вопрос повисает в воздухе.

Мы будем работать, будем закрывать все эти нелегальные заведения. Кто бы что ни делал, какую бы атмосферу ни создавал в интернете, результат будет один. Бесплезно на нас давить. Примерно раз в две недели мы закрываем по одному казино, а их в городе довольно много. К концу года в Иркутске незаконной игровой деятельности не будет. По области постараемся, чтобы ее тоже не было.

- Расскажите, как продвигается дело по расследованию избиений в ночном клубе «Манхеттен» - тоже резонансное происшествие, с неоднозначным шлейфом в медийном пространстве.

- На самом деле – обычная ситуация для города Иркутска. В любом другом месте, если правоохранные органы задержали, а суд вынес решение – значит виноват. В Иркутске все по-другому. Начинается шум в СМИ про «коррупционность силовиков». Знаете, пусть говорят что угодно. Если мы находим какую-то новую для себя информацию в том, что говорят - мы ее проверяем в рамках уголовного дела. Если не находим – не обращаем внимания на шум, расследуем дело и передаем в суд.

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Конечно, мне не все равно, как оценивают нашу работу. Но для меня важно мнение тех людей, с которыми я говорю напрямую – в тех же территориях, на приемах. А когда кто-то, спрятавшись за никами, чего-то там шумит - на это я внимания не обращаю. Существует правовой порядок. Есть закон, есть прокурор, который проверяет, в том числе, и обоснованность наших действий. Есть суды, куда может пожаловаться любой гражданин. Но когда просто так обвиняют в коррумпированности – видимо, просто ничего другого придумать не могут.

- Представитель потерпевших утверждает, что нападавшие – члены банды Макса Коса. Можете прояснить – правда ли эти люди связаны с ОПГ?

- Мы закончим расследование довольно скоро - дело пойдет в суд, будет открытое судебное заседание - там все можно будет услышать. Нужно провести еще медицинскую психиатрическую экспертизу – это не меньше месяца.

- Прокомментируйте еще три дела, которые получили мощный общественный резонанс – по так называемым «золотым детсадам», по «Ангарским хуторам» и по Ледовому дворцу.

- Я так часто отвечаю на этот вопрос, отвечаю еще раз. Итак, «золотые детские сады», якобы очень дорого стоят. Все пытаюсь понять, почему их золотыми называют. Есть рекомендованная Минстроем РФ цена строительства таких объектов. Для Иркутской области на 2013 год – 906 тыс. 520 рублей. Почему рекомендованная, почему не норматив? Потому что каждый садик уникален. Сколько будет стоить строительство зависит от многих факторов – в том числе и от развитости инфраструктуры – инженерной, транспортной, строительной. В одних случаях возить стройматериалы нужно с приличного расстояния, в других – склад рядом.

Далее. Эта рекомендованная цена на детсад предполагает, что сад на 150 мест. Но если это учреждение не на 150 мест, а на 30? При этом в любом садике, независимо от количества мест, должны быть музыкальный и физкультурный зал, кабинет логопеда, медицинский блок, пищеблок, постирочная, помещение персонала, и их площадь не зависит от наполняемости дошкольного образовательного учреждения. Получается что? Если детский садик не на 150 мест, а на 400, то все это распределится, и на одно место получится дешевле. Если на 30 – то будет дороже.

Мы имеем ситуацию, при которой до 2012 года садики строились единично, с 2012 года – массово. Естественно, для отработки процесса требуется время. Но даже если этот момент не брать во внимание, ситуация абсолютно прозрачная. Средняя фактическая стоимость сада в Иркутской области – 709 тыс. рублей. То есть на 20% ниже, чем рекомендованная. В чем здесь золото, если рекомендованная - 906, а строят на 20% дешевле?

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Есть три садика стоимостью примерно на 200 рублей выше рекомендованной. Но это садики, во-первых, на 25-30 мест, а не на 150. Второе: чем отличается строительство садика и покупка садика? Все говорят, что покупка намного дороже, это коррупционная составляющая. Да разница только в одном: садик, когда строится - это стены, кровля, крыша, сантехника. Все. А когда садик под выкуп – это все, вплоть до мягкого инвентаря: мебель, оборудование. Так вот у нас рекомендованная стоимость 906 тысяч – это без всего, а 1080-1100 – это со всем содержимым.

Мы проверяем сейчас 48 садиков. Это огромная работа - по каждому объекту допрашиваем глав муниципалитетов, директоров этих учреждений, воспитателей, нянечек, родителей, выясняем, какие претензии. Конечно, в процессе эксплуатации могут выявляться какие-то недоработки. Но по садикам установлен срок гарантий от 5 до 7 лет. Кстати, в большинстве соседних регионов строители дают гарантию год. У нас же – семь лет, и это на цене объекта не сказывается, не увеличивает ее. То есть, нет оснований говорить о том, что стоимость наших детсадов завышенная.

А вообще, дело возбуждается в двух случаях: либо для того, чтобы доказать виновность, либо для того, чтобы признать, что человек невиновен. В 2015 году мы прекратили 12% уголовных дел в связи с тем, что в ходе расследования была доказана невиновность. Следователи не пытаются фанатично «обязательно посадить». Задача ставится – не преследовать, а разобраться. Расследование дела дает больше возможностей, потому что можно проводить очные ставки, экспертизы и т.д. Кстати, и по детсадам это делаем.

Нам согласились первые четыре экспертизы провести за 400 тысяч рублей при стоимости экспертизы по 1 млн. рублей за один садик. По четырем самым дорогим садикам мы провели экспертизы, там все нормально. Сейчас надо еще 44 садика – это 44 млн рублей. У меня, естественно, таких денег в управлении нет. Поэтому мы направляем запросы в Москву. Центральный аппарат направляет запросы в Правительство РФ. Там, в условиях кризиса, помаленьку выделяют деньги, и по мере их поступления мы проводим экспертизы. На сегодня такая ситуация. Но по самым «дорогим» садикам экспертизы проведены – там все в порядке.

- А по нашумевшим «Ангарским хуторам» и Ледовому дворцу?

- По «Хуторам» дело я не могу комментировать – оно с грифом секретно, по ряду причин. Единственное, что могу сказать: обвинение там никому пока не предъявлено. Центральный аппарат СКР организует проведение экспертиз – чтобы нас не обвиняли в необъективности. Они имеют право это делать, и они это делают по нашей просьбе.

По **Ледовому дворцу**. Строился он с 2002 года. На него было выделено и оплачено 971 млн. 641 тыс. рублей, из них 150 млн. освоены до 2004 года, остальные - позже. Что-то на эти деньги в итоге было построено. По 162 миллионам из этой суммы предъявлено обвинение

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

(мошенничество в особо крупном размере) бывшему генеральному директору ООО «Спецстрой-7» Максиму Ковпаку. Он привлечен к уголовной ответственности, дело находится в суде, мы не имеем к нему отношения.

Также в этой истории и экс-начальник Управления капитального строительства Иркутской области Павел Таюрский (заказчик строительства Ледового дворца). Ему за перечисление аванса, который он не имел права предоставлять (поскольку работа не была выполнена), предъявлено обвинение на 139 млн. рублей.

Таким образом нами отработано то, что было после 2011 года (вменено Ковпаку и Таюрскому). То, что было потрачено с 2002 по 2011 год «на глаз» оценить нельзя – сказать, что там построено на 600 млн, мы не можем. Поэтому назначили строительную экспертизу, она проводится.

То есть, на одну четвертую по Ледовому дворцу мы определили обвинение. Еще по трем четвертым выясняем.

Понятно, что есть криминал в этой истории с дворцом. Но следствие должно вестись в нормальном спокойном режиме. Должны допрашиваться люди, должны изучаться документы. А вместо этого очевидная политическая кампания с целью скомпрометировать. Но два дела уже в суде, по третьему – по более раннему периоду, идет экспертиза, которую проводим-то не мы – другие проводят.

[- Продолжая тему непростых отношений с областной властью. Недавно перепалка между СУ СКР и некоторыми членами регионального правительства оказалась в фокусе внимания общественности. Как вы это оцениваете?](#)

- Если есть ситуация конфликта, всегда виноваты обе стороны. Мы с себя ответственности не снимаем. Но и то, что в Иркутской области не все ладно – тоже факт. Поскольку я считаю себя жителем Приангарья – во всяком случае, пока здесь живу и работаю (да и матушка у меня отсюда), для меня важно, как регион будет жить. Но без консолидации всех сил проблемы области не решить. Все умные, каждый учит другого... Не даст это результата. Здесь надо амбиции убирать, объединяться и делать одно дело. Если этого не будет, не будет перспектив и у Иркутской области.

[- Если отвлекаться о работы и поговорить о личном – чем увлекается руководитель Следственного управления как частное лицо?](#)

- Отдыхать люблю, правда, редко получается – времени мало. Раньше спортом занимался очень плотно - горный туризм. Летом пеший, зимой – на снегоходе. Байкал люблю - просто посидеть на берегу, отдохнуть, душой отойти. На меня Байкал действует нереально,

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

нескольких дней хватает, чтобы зарядиться.

- Что читаете?

- В основном, материал дел. Мемуары очень люблю - как правило, о политиках, воспоминания врачей, военных – те, что о реальной жизни, исторические труды, но не романы. Художественную литературу, к своему стыду, не люблю.

- Насколько вы интегрированы в интернет? Сколько времени на это отводите?

- Читаю там только новости и почту просматриваю.

- Любая, самая лучшая работа, самые замечательные показатели могут быть перечеркнуты, если сформировано негативное общественное мнение. Мы, люди, работающие в интернете, признаки такой кампании в отношении вашего ведомства наблюдаем. А вы сами как оцениваете ситуацию?

- Мне просто: у меня один руководитель – Александр Иванович Бастрыкин. И у Александра Ивановича – тоже всего один руководитель. Это Президент Российской Федерации. Им решать, как оценивать работу руководителей следственных подразделений на местах. Если работаешь нормально – тебе бояться нечего. Насчет организованной кампании в Интернете - знаете, для меня важно мнение реальных людей, с их проблемами, а не троллей из блогосферы.

Я много общаюсь, и если люди ко мне приходят – они понимают, что решение по их просьбе будет – не обязательно в их пользу, потому что ситуации бывают разные. Но решение будет обязательно. Люди в территориях ставят вопросы системного плана и действительно серьезные. Их сотни. Например, рассказывают: «У нас тут был совхоз, у совхоза были поля. Земля сельхозназначения. Но у совхоза она в обработке была 30 лет назад, потом оказалась заброшенной и сейчас там уже лес вырос. Нам эту землю надо переводить в категорию лесов – потому что встают вопросы пожарной охраны, если здесь лес – надо опаживать, на это деньги выделяются, а так - нет. Но для того, чтобы нам зарегистрировать эту землю как лес, надо провести всевозможные геодезические изыскания, на них надо деньги. У нас их нет. У нас тут одни пенсионеры живут. Что нам делать? Мы сгореть боимся».

Мы такие вопросы обобщаем и отправляем исполнительной власти – потому что вопрос в их компетенции. Еще пример: мы обобщили жалобы по поводу безнадзорных животных, отправили губернатору – опубликовали письмо по этому поводу. Реакция в интернете понятна: Следственное управление сошло с ума, делать им нечего. Видимо те, кто это пишет,

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

никогда не видели ребенка, разорванного собаками. А таких случаев немало, между прочим, бывают и с летальным исходом. И вопрос борьбы с бесхозными животными достаточно серьезный. Понятно - сейчас сложная экономическая ситуация, средств в бюджетах не хватает, власти перестают выделять деньги на отлов и содержание животных. Но надо же что-то делать. Если средств нет – пересматривать бюджет. Мы предупредили глав муниципалитетов, что их ждет уголовная ответственность за непринятие мер, если, ни дай бог, что-то произойдет. В данной ситуации я не вижу иного пути решения проблемы.

ИА «Телеинформ»

28 Января 2016